

действие преступности в изменяющемся мире. Учебник 2-е изд., перераб. и доп. — С.-П.: Юрид. центр- Пресс. 2006. — 561 с.; Попович В. М. Економіко-кримінологічна теорія детінізації економіки: Монографія. — Ірпінь: Академія державної податкової служби України, 2001, с.47-48.

27. См.: Катаев С. Л. Транзитивне суспільство як виклик сучасності // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*. Збірник наукових праць. — Харків: изд-во ХНУ, 2001. с. 75 — 82; Катаев С. Л. Україна як транзитивне суспільство // *Ідеологія державотворення і суспільствознавча наука. Тези доповідей всеукраїнської науково-теоретичної конференції*. — Запоріжжя, 2001, с. 77 — 81; Арсенко А. Україна в тисках «транзитології» и западне глобалізації на изломе веков (Институт социологии НАНУ) // Эл. ресурс: <http://russian.kiev.ua/material.php?id=9001534>.

28. См.: Голик Ю. В., Пономарев Д. А. Социальная трансформация и преступность: к методологии исследования // *Государство и право в условиях глобализации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 17 — 18 ноября 2004 года): Сборник статей*. — М., 2004, с. 249-251

Туляков В. А.

КРИМИНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Наименование данной работы нельзя не отнести к разряду оригинальных. Обычно так наши коллеги называют свои учебники, курсы лекций, но не отдельные статьи в научных сборниках. Между тем, эклектичность работ, написанных за последнее время, в определенном смысле научная выхолощенность некоторых выводов современных ученых в сфере криминологии, вынуждают обратиться именно к этому наименованию. К этому призывает и тематика сегодняшнего научного форума.

Что же такое криминология современности? Почему все чаще со страниц научных изданий раздаются высказывания о кризисе криминологической науки? Как получилось, что за последние годы в Украине практически ограничен прирост научных кадров высшей квалификации в сфере криминологического знания, а большинство исследований сводится к эмпирическому набору информации и, к сожалению, не всегда внятному анализу существующей действительности. Как правило, современные криминологические работы сводятся к последовательной критике того, что было написано в советский период по исследуемой теме, анализу набора фактов, «выдернутых» в угоду конструкциям и воззрениям автора из сферы социальной реальности, некоторым и весьма расплывчатым предложениям по совершенствованию процесса социального контроля

над девиациями и преступлениями. Все это подкрепляется обильной источниковедческой базой, ибо о преступности в кризисные периоды развития общества не пишет только ленивый. В некоторых работах отдельным ярким лучом проскальзывают заимствования из публикаций западных криминологов, да и то последние, за редкими исключениями, делаются не на основе детального знания проблемы и подробного знакомства с материалами исследований, а знакомства с реферативными обзорами литературы либо перевода соответствующих интернет-публикаций. Очевидно, что научная и предметно-практическая ценность таких исследований важна не столько для развития современной криминологии, сколько для самих авторов таких работ.

Оставляя в стороне возможные упреки в предвзятости и излишней резкости оценок, отмечу, что, к сожалению, несмотря на значительные усилия проф. А. П. Закалюка и представителей Координационного бюро по криминологии к практизации современных исследований, проблемы криминологической обоснованности законодательства, разработки профилактического законодательства Украины, наряду с глобальными методологическими вопросами современного криминологического знания остаются в состоянии, которое не в полной мере удовлетворяет современным потребностям. Классические работы А. П. Закалюка, В. В. Голины, В. Н. Костенко и некоторых других украинских ученых, к сожалению, не в состоянии полностью закрыть ту огромную науковедческую и методологическую брешь, сложившуюся в современном криминологическом знании.

Крайне низок уровень криминологического знания и у законодателей. Юристы рассматривают криминологию как интересный «довесок» к системе уголовно-правовых реалий, граждане же вообще далеки от высокого, поскольку каждый из нас знает, как правильно воспитывать чужих детей и как бороться с преступностью, не испрашивая совета у профессионалов. Отраслевая криминология «прячется» под завесой секретности и ограниченного пользования, выдавая на поверхность только и исключительно аналитические обзоры судебной и уголовной статистики.

Если бы не более чем 130-летний период развития официальной криминологии как науки, то можно было бы сказать, что современная криминология находится в стадии становления, причем боль-

шинство понятий и принципов не имеют однозначной устоявшейся теоретической интерпретации и единого понимания, отсутствует единая база в определении предмета самой науки и, естественно, перспектив дальнейшего ее развития и исследований.

Впрочем, возможно, именно так и обстоит дело. Что говорить о практизации криминологического знания, если с определением базового для криминологии понятия преступности наука представлена разбросом трактовок от базового нормативистского (Н. Ф. Кузнецова, И. И. Карпец) до структурно-функционального (А. И. Гишинский, В. С. Овчинский, Д. И. Шестаков). Отсюда, криминологическая теория и практика развиваются не в рамках одной более или менее устоявшейся модели, сколько в рамках отдельных школ, научных направлений, либо «модных», «вечных» и щедро оплачиваемых спонсорами грантовых программ (гендерное насилие, контроль над организованной преступностью и коррупцией, криминология законотворчества, борьба с терроризмом).

Иногда возникает впечатление, что мы сталкиваемся с «теорией заговора» вживую, когда за красивыми формулировками в области решительной борьбы с преступностью и коррупцией, стоит просто заговаривание проблемы и уход от перспектив ее реального решения.

В силу изложенного, хотелось бы остановиться на некоторых базовых, с нашей точки зрения, моментах, характеризующих состояние, возможности и перспективы развития криминологии современности.

О предмете криминологической науки. Современный мир диктует необходимость унификации криминологического знания. Известно, что в наших странах, вышедших из ложа советской криминологической школы, криминология трактуется как учение о преступности, преступнике и мерах предупреждения преступлений и преступности в целом. Имеющие место дополнения в структуру предметно-познавательной сферы криминологии (отклоняющееся поведение, делинквентность, проблемы жертвы преступления, социальный контроль) лишь только подтверждают сказанное выше: криминология в ее классическом понимании представляет собой учение о праве индивида на нарушение права и социальных процессах и институтах, связанных с реализацией этого права (уголовная юстиция, преступность, преступник, девиант, делинквент,

предупреждение преступлений, жертва преступления). В стороне почему то остаются вопросы злоупотребления правом и правонарушительного поведения, проблемы обращения с преступниками и иными гражданами, реабилитационных и компенсационных процессов и институтов. Вместе с тем, по нашему глубокому убеждению, именно формирование модели анализа взаимоотношений систем «правовое поведение — злоупотребление правом — преступление» на различных уровнях социального взаимодействия позволит дать ответ на вопрос о судьбе и перспективах развития современной криминологии к ее предмету. В упрощенном виде задача криминолога современности сводится к постановке и решению задачи в плане анализа того, почему люди не совершают преступления, а не того, почему они их совершают. Такой подход диктуется, прежде всего, особенностями современного общественного развития, при котором именно злоупотребление правом и правонарушения становятся нормой в обществе, раздираемом противоречиями системного политического, экономического и социального характера.

Нормативность массовой аномии влечет за собой нормативность и нормальность криминальных практик и криминального образа жизни. Содержание современного понятия преступности не учитывает специфику реализации и взаимодействия правовых и социальных явлений и в силу чего выглядит крайне расплывчатым. Предвижу возражения — подобного рода подход ведет к социологизации криминологии, к размыванию специфики криминологического знания, направленного, прежде всего, на изучение преступного поведения и характеристик массовой деструктивности, определенных криминальным законом конкретной страны на конкретном этапе ее развития. Вместе с тем как справедливо заметила В. А. Грунина: «Объективная невозможность однозначно регламентировать психические процессы в правовой сфере порождает феномен самоорганизации субъектов в условиях той или иной правореализующей ситуации... Процессы самоорганизации в правовом поведении в самом общем виде можно определить как происходящее в сфере правового регулирования и подчиняющееся действию вероятностно-статистических закономерностей упорядочение общественных отношений на основе личного интереса субъекта (элемента системы) либо общего интереса системы, в которую оказывается включенным данный субъект, выражающееся в совершении либо отказе от совершения активных действий, имеющих юридическое значение»[1,23-24].

В данном случае пестуемый большинством криминологов фатализм А. Кетле, связанный с оценкой непреклонности и неумолимости законов общества и человеческого общежития, сменяется прагматичной оценкой линейного хода событий. То есть, сегодня мы познаем нормальный ход развития общественных отношений сквозь анализ состояния неупорядоченности правовой жизни, крайней непредсказуемости и нестабильности ее проявлений, доказывая, что правонарушение и преступность имеют свой внутренний порядок, свою нормальность. Такая «нормальность» существования преступности, равно как и иных отклонений, позволяет говорить не о закономерностях ее развития, а о тенденциях, более или менее отражающих процесс взаимодействия правопослушного поведения, злоупотреблений правом и преступлений. Преступность становится универсальной и не поддающейся единому решению проблемой, поскольку является институтом общества, элементом образа жизни отдельных индивидов и социальных групп. Постулируемые ранее закономерности взаимодействия преступности и общества при таком подходе превращаются в более или менее вероятные тенденции, характерные именно для этого, конкретного этапа развития общественных отношений. Собственно говоря, приращение криминологии виктимологическими знаниями реально приводит к такому результату. В этой связи эвристическая функция криминологического знания сводится к краткосрочным макро и долгосрочным индивидуальным прогнозам криминальной активности и преступных практик, а не к почитаемым нами долгосрочным прогнозам преступности, могущим существовать сегодня разве что в фундаменталистских стагнирующих социумах.

Не менее важными являются проблема теории причин преступности и предмета криминологии, проблема обращения с преступниками и жертвами, восстановления в правах субъектов уголовно-правовых отношений, которые в силу ряда причин не нашли полного отражения в современной догматической части криминологического учения.

Отсюда криминология как наука может представлять собой учение о совершении преступлений в их взаимосвязи со злоупотреблениями правом и правопослушным поведением, мерах социального контроля над преступлениями и преступностью, реабилитации и обращения с преступниками и их жертвами.

О проблеме преступности. Обращение к динамическим характеристикам взаимосвязи преступлений и преступности, иных девиаций в процессе изучения нормативных практик дает нам возможность несколько по иному взглянуть на понимание преступности как основного элемента современного криминологического знания. Будучи связанным рамками данной публикации, отмечу, что сегодня рациональнее всего было бы рассматривать проблему преступности и ее определения в трех взаимосвязанных, но не являющихся тождественными измерениях:

1. Преступности как социального института, реализующегося в совокупности запрещенных уголовным законом и международным правом деяний. Института, имеющего свои функции, тенденции, характеристики, свойства.

2. Преступности как образа, складывающегося из представлений политиков, медиа-ресурсов и населения об уголовно-правовых запретах и массовых формах их реализации. Такое духовное образование преступности реализуется и закрепляется в феномене массового сознания и культуры в целом

3. Криминальности как свойства личности или отдельных социальных групп быть склонными к более частому по сравнению с контрольной группой совершению противоправных деяний (по данным западных криминологов 11 % населения совершают 90 % умышленных противоправных поступков и именно они являются основным, но ни в коем случае не единственным предметом нашего профессионального интереса).

Можно в силу этого говорить даже о трех относительно самостоятельных направлениях современных криминологических исследований: феноменологии преступности и связанных с нею девиаций; криминологии культуры и связанных с нею уголовной политики и социального контроля, сориентированных на социально-психологический образ, а не на социальную реальность; криминальной антропологии, сориентированной на изучение последовательно-криминогенных и ситуативных типов преступников, преступных сообществ и их жертв.

Преступность стала универсальной проблемой и в силу этого проблемой неизбежной. Сложность и неоднозначность ее проявлений (по меткому выражению Ю. М. Антоняна «мира в миниатюре») ведет к неизбежной рационализации криминологического знания. Данный

процесс, ориентирующий в рамках одного из трех направлений развитие криминологического исследования, предполагает разрешение еще одной проблемы методологического характера, которую я хотел бы обозначить в настоящей статье.

О причинах преступности. Рационализация криминологического знания, его эклектичность и предметная сориентированность на контроль, восстановление, обращение и реабилитацию преступников и их жертв позволяет сделать несколько неутешительный вывод о недостаточной целесообразности создания универсальной единой теории причин преступности. Практика уголовно-правового контроля над преступностью свидетельствует о том, что все криминологические теории верны. Отчасти. И именно поэтому мы в современной уголовно-правовой догме используем лучшие и проверенные временем и рациональностью относительной эффективности положения классической школы (в области законодательной техники), юридической антропологии (в области описания мер безопасности, соотношения природного и социального в личности виновного и дифференциации наказания и иных уголовно-правовых мер исходя из этой модели), социологической школы (социальная обусловленность мер социального контроля над преступлениями) при доминанте философской оценки обеспечения защищенности и безопасности на уровне личности, государства, общества в целом.

В этой связи для криминологии современности важно не столько сохранение верности существующим подходам, сколько решение задач социального контроля над преступностью в рамках теории случайности. Существование противоречия между рациональностью уголовно-правовых норм (связанность деяния свободой воли индивида) и каузальностью криминологических исследований ставит на повестку дня не столько разрешение вопроса о причинах преступности в рамках традиционных моделей, сколько выяснение того, как и каким образом, элементы неопределенности, случайности, вероятности, стихийности влияют на совершение преступных деяний.

Исследование взаимодействия преступников, жертв преступлений и общества на материальном, информационном и духовном (энергетическом) уровнях как в процессе микрокриминологических (индивид), так и при исследованиях массовой формы реализации человеческой деструктивности проявляется именно в каузальности, случайности событий. Недаром, современные исследования в облас-

ти теории вероятностей обращают особое внимание на системные ошибки, возникающие при массовой реализации тенденций закона больших чисел в макрокриминологии. Оказывается, что составляющие погрешность случайности на самом деле есть выражение динамического процесса формирования новой и, к сожалению, непознанной нами закономерности. «Чтобы сделать результаты статистического анализа негауссовых явлений, какими, в частности, является социальные явления в целом, воспроизводимыми и избавиться от систематических ошибок, здесь следует перейти от гауссовой математической статистики с ее упором на моменты к негауссовой, которая будет базироваться на других статистиках распределения, сохраняющих свое значение на негауссовых генеральных совокупностях, т. е. не зависящих на них от объема выборки» — писал С. Д. Хайтун [2]. Для нас это означает только одно — изредка классические формы статистического анализа явления с редукцией выявленных закономерностей на социум будут вести и, к сожалению, ведут к системным ошибкам и не представляют интереса для криминологов. Прежде всего, это касается исследований организованной преступности и криминальных групп, индивидуальной криминальности, эвристического анализа групп и видов преступлений и корреспондирующей им виктимности на среднем уровне. Выделение преступных типов и типов жертв для нас сегодня более важно и значимо чем анализ уровня преступности в отдельно взятом районе.

Именно поэтому обращение криминологов к качественным методам анализа вместо попыток выявления статистически значимых закономерностей может сыграть гораздо большую роль и значение в формировании научного аппарата будущей теории причин преступности. Хотя, объективности ради, от универсализма в ее сегодняшнем понимании стоило бы отказаться.

О противодействии преступности. Как мы уже отмечали существование преступности выгодно. Оно формирует индустрию безопасности, создает образ врага, отвлекает население от поиска хлеба насущного, дает возможность манипуляции общественным сознанием.

Вместе с тем программы контроля над преступностью в основном выражают не криминологическую а политическую волю и в силу этого амбициозны, непоследовательны и неэффективны.

Продуцирование иллюзий, мифов в области контроля над преступностью — стандартная практика деятельности политической системы, сориентированной на выживание. При этом наиболее опасные криминальные практики и процедуры их предупреждения (несанкционированная торговля оружием, политическая преступность, криминальные практики юридических лиц и отдельных социальных групп и организаций) вообще не контролируются. Уровень сплоченности населения в противодействии преступности подогревается страхом перед нею, а не восстановительными процедурами и процедурами обращения с жертвами преступлений, ресторативными практиками. Открытость границ и глобализация влекут за собой лавинообразность распространения экономической преступности и криминальных практик транснационального характера, однако криминогенность этих опасностей даже не подвергается научному анализу и контролю.

Человек же остается наедине со своими проблемами, в очередной раз, будучи готовым произнести сакраментальную фразу: «Караул устал»...

Отсюда назрела проблема не просто унификации подходов в области контроля над преступностью в глобальном масштабе, но и прежде всего, пересмотра постулатов и приоритетов, смещения вектора силы с позиций контроля над преступностью на восстановление, превентивные меры и обращение с преступниками и правонарушителями на уровне индивидуальном, анализа серых полулегальных практик и противодействия злоупотреблению правом как элементов системы обеспечения безопасности.

Кстати создание теории безопасности может как раз, и явиться ключевым моментом в области отработки процедур контроля над преступностью и обращения с правонарушителями.

Разумеется, высказанные соображения — есть не более, чем приглашение к дискуссии, могущей служить определенным толчком в развитии отечественной криминологии и во многом нуждаются в дальнейшем обосновании и теоретическом осмыслении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грунина В. А. Методологические проблемы применения синергетики в праве: Учеб. пособие / В. А. Грунина, Р. Б. Головкин / ВЮИ ФСИН России. — Владимир, 2006.
2. Хайтун С. Д. Феномен негауссовости социальных явлений // <http://www.kudrinbl.ru/public/481/index.htm>; См. также: Хайтун С. Д. Проблемы количественного анализа науки. — М., 1989.